

Новейшая история

УДК 94(456.31)«20»

свещ. Крысов А.Г.

КОНКЛАВ 1903 г. И КАРДИНАЛ РАФАЭЛЬ МЕРРИ-ДЕЛЬ-ВАЛЬ*

Аннотация. Статья подробно освещает конклав 1903 г. и сопутствующие выборам Папы события. Привлечение архивных данных, официальных церковных отчётов и мемуаров позволяет впервые проанализировать индивидуальные мотивы поведения участников и фактор случайности в событиях, определивших, во многом, не только Понтификат Пия X, но и последующую историю Католической Церкви.

Ключевые слова: конклав, кардинал, Папа, Понтификат, Пий X, Государственный секретарь, Мерри-дель-Валь

Первому конклаву XX века, состоявшемуся с 31 июля по 4 августа 1903 г., Католическая Церковь обязана не только появлением нового Папы (св. Пия X), что хорошо известно, но, что совершенно необычно, и появлением нового кардинала, государственного секретаря – Рафаэля Мерри-дель-Валя, ставшего одной из наиболее значимых фигур всего начавшегося в 1903 г. одиннадцатилетнего Понтификата, самым близким помощником нового Папы и человеком, во многом благодаря которому время правления Пия X обрело ключевое значение в формировании современного облика Римско-Католической Церкви.

Согласно принятым в Католической Церкви нормам, кардинал государственный секретарь утрачивает свои полномочия с кончиной Папы, и новый Папа назначает, как правило, нового государственного секретаря, реже – подтверждает полномочия прежнего. Должность государственного секретаря, заменившая в XVII в. функции кардинала-непота, подразумевает, что её будет занимать кардинал, облечённый наибольшим папским доверием, главный проводник внутрицерковной и внешней политики Понтифика. Не было бы ничего необычного, если бы не искусный в политике Пий X назначил в 1903 г., после своего избрания, на пост государственного секретаря одного из курiales кардиналов, отвечавших за церковную политику в предыдущий Понтификат. Не было бы удивительно, если бы он, далёкий от Римской курии диоцезиальный иерарх, предпочёл бы видеть

на этом посту близкого человека, с которым так или иначе был связан по службе и которого хорошо знал. Но в 1903 г. на посту государственного секретаря, рядом с уже пожилым Папой (родившимся в бедной деревенской семье; бывшим всю свою жизнь на пастырской работе, начиная от деревенского викария; не имевшим никаких связей в дипломатических кругах; не владевшим ни одним иностранным языком и никогда не покидавшим Италии) оказался молодой дипломат из высших аристократических кругов, годящийся ему в сыновья и, тем не менее, не только ставший с самых первых часов Понтификата проводником всей его внешней и внутренней церковной политики, но и её вдохновителем. Это тем более удивительно, что менее чем за сутки до того, как Мерри-дель-Валь стал фактически вторым после Пия X человеком в Церкви, они вообще не были знакомы, не только ни разу не встречались, но и вообще ничего друг о друге не знали. Конечно, архиепископ Мерри-дель-Валь знал, что есть такой кардинал Дж. Сарто, но кардиналу Дж. Сарто просто неоткуда было знать об архиепископе Мерри-дель-Вале. Вся случайность этой ситуации усугублялась ещё и тем, что архиепископ Мерри-дель-Валь никоим образом не должен был присутствовать на конклаве 1903 г. и, следовательно, сама его встреча с кардиналом Дж. Сарто, прибывшим в Рим только на конклав, – дело необыкновенного случая. Более того, даже присутствие Р. Мерри-дель-Валя на конклаве вовсе не подразумевало его личного знакомства с кардиналом Дж. Сарто.

Таким образом, конклав 1903 г. не только дал Церкви нового Папу, но дал новому Папе его государственного секретаря – случай в истории Церкви беспрецедентный и до сих пор специально не рассмотренный в посвящённой Понтификату Пия X исторической литературе, где ни разу ещё полностью не прослеживалась вся череда событий, приведших к встрече Р. Мерри-дель-Валя с Дж. Сарто и не выявлялось определяющее значение индивидуальных мотивов при назначении госсекретаря в 1903 г.

После кончины 20 июля 1903 г. 93-летнего Папы Льва XIII в прессе не прекращались разгово-

* © свещ. Крысов А.Г.

ры о его преемнике. Наиболее часто упоминалось имя кардинала Мариано Рамполлы – государственного секретаря и ближайшего сотрудника почившего Понтифика. Кандидатуру кардинала Рамполлы поддерживали французские епископы, от голосов которых много зависело на начинающемся конклаве. В противовес кардиналу Рамполле называли имя другого итальянского кардинала, Джироламо Готти, тоже служившего на ключевых постах в Римской курии и бывшего, по мнению многих, противником «французской» партии в Священной коллегии кардиналов [1].

Разумеется, что светская пресса обсуждала кандидатуры на Престол св. Петра лишь с точки зрения политической ориентации кардиналов, совершенно упуская из виду тот факт, что выборы могут проходить и совершенно по другому принципу – по причастности или непричастности кандидата к какой-либо вообще политической платформе, то есть выбор между кандидатом-политиком и кандидатом-пастырем. И именно такая ситуация сложилась на конклаве 1903 г.

Ещё в XVII веке на конклаве 1676 г. среди кардиналов впервые определилась «партия», получившая название *zelanti* (т.е. ревностные), выступавшая за избрание Папы-пастыря, свободного от каких бы то ни было политических пристрастий и намеренного сосредоточиться на решении сугубо внутрицерковных вопросов [2, 92]. Время от времени эта «партия», постоянно пополнявшаяся новыми кардиналами, определяла на конклавах выбор между Папой-политиком и Папой-пастырем. Так было и в 1903 г., когда в Церкви накопилось множество нерешённых внутренних задач, а внешнеполитическая ситуация зашла в тупик с неразрешённым «Римским вопросом» (как в церковных кругах называли проблему лишения Папы светской власти), перед которым оказался бессильным и прекрасный дипломат Папа Лев XIII. Именно поэтому многие члены Священной коллегии полагали, что во внешней активности следует сделать паузу и сосредоточиться на решении внутренних задач, что поможет впоследствии привести и к решению проблем внешнеполитических. Так что постановка вопроса о выборе между Папой-политиком и Папой-пастырем не случайна, как не случайно и избрание кардинала Джузеппе Сарто, мало известного за пределами своей епархии и никаким образом не принимавшего участия в большой церковной политике.

В марте 1903 г. Папа Лев XIII отметил свой 93-й день рождения. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал активно руководить Церковью, что требовало от него решения, в том числе, и многочисленных кадровых вопросов. 22 июня 1903 г., менее чем за месяц до кончины, Папа нашёл силы провести очередную тайную консисторию [3, 130],

на которой несколько человек были возведены в кардинальское достоинство, что было вызвано появившимися в Священной коллегии вакансиями. Среди вновь возведённых кардиналов был Карло Ночелла, титулярный патриарх Константинопольский, занимавший пост секретаря Священной консисториальной конгрегации и секретаря Священной коллегии кардиналов [4, 42]. В связи с этим назначением посты секретаря конгрегации и секретаря коллегии оказались вакантными.

Несмотря на ухудшившееся в начале июля состояние здоровья, Папа Лев XIII ещё решал кадровые вопросы и назначил 6 июля [3, 198] на обе эти, традиционно совмещаемые, должности одного из своих близких помощников, апостольского протонотария Алессандро Вольпини [5, 465], занимавшего до этого должность секретаря Папских бреве к правителям [5, 408, 555].

В последующие дни состояние здоровья Папы резко ухудшилось. Многие из прелатов, входивших в ближайшее папское окружение, постоянно присутствовали в покоях, примыкающих к Папским. В один из таких дней – 9 июля 1903 г. – среди собравшихся прелатов были новый секретарь Священной коллегии А. Вольпини и его друг, президент Папской Академии Церковной знати [6, 821] архиепископ Рафаэль Мерри-дель-Валь [4, 411]. Внезапно А. Вольпини рухнул без сознания. Его друг успел дать ему абсолюцию, и через несколько минут А. Вольпини скончался [3, 198]. Находящемуся при смерти Льву XIII не стали докладывать о случившемся, не желая отягощать вестью о смерти близкого сотрудника последние дни Папы. 20 июля 1903 г. Лев XIII умер. Некоторые иерархи грустно шутили: «Первым сюрпризом в Царствии Божиим для Льва XIII станет то, что и там его встретит его верный А. Вольпини» [7, 24].

21 июля кардинал-камерленго официально объявил о конце Понтификата, и сразу возникла проблема: следовало готовить конклав, но организовывать его должен был секретарь коллегии кардиналов, становившийся автоматически секретарём конклава [8, 46], а такого человека не было. Назначить его мог только Папа, но Папы тоже не было.

В этот же день кардинал-камерленго и декан Священной коллегии Луиджи Орелья-ди-Санто-Стефано сообщил архиепископу Р. Мерри-дель-Валю, что на собирающемся совете кардиналов, предшествующем конклаву, он намерен предложить двух кандидатов – его (Мерри-дель-Валья) и архиепископа Пьетро Гаспарри, – из которых кардиналы изберут, в силу необходимости, просекретаря (т.е. исполняющего обязанности секретаря) конклава [9, 80]. Возражений Р. Мерри-дель-Валья кардинал-декан не принял, указав, что, будучи долгое время куриальным прелатом, прекрасно

знающим все нюансы функционирования высшего церковного управления, архиепископ обязан подчиниться, если выбор падёт на него [9, 81]. На состоявшемся 21 июля совете кардиналов был внесён ещё и третий кандидат на должность просекретаря конклава – монсеньёр Джакомо делла Кьеза [6, 117], ближайший помощник кардинала М. Рамполлы, считавшегося фаворитом грядущих выборов. Но декан коллегии настоял на своём кандидате, и Р. Мерри-дель-Валь стал просекретарём собравшегося 31 июля конклава (о достоинствах арх. Р. Мерри-дель-Валя, определивших его избрание просекретарём, свидетельствует В. Симес, см. рукопись конверта Н, 4 [10]).

Утром 1-го августа 1903 г. все кардиналы собрались в Сикстинской капелле. К моменту смерти Льва XIII в Священной коллегии кардиналов было 64 человека (шесть мест были вакантными). На конклав собралось 62 кардинала. Двое не приехали – архиепископ Палермо Пьетро Челезия был тяжело болен, а Фрэнсис Морэн, архиепископ Сиднея, не успевал добраться до Рима из Австралии [1]. После Св. Мессы началось голосование. Голоса в 1 туре распределились так: М. Рамполла – 24, Дж. Готти – 17, Дж. Сарто – 5, Серафино Ваннутелли – 4, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 2, Альфонсо Капечелатро-ди-Кастельпагано – 2, Анджело ди Пьетро – 2, Антонио Альярди – 1, Доменико Феррата – 1, Агостино Рикельми – 1, Дженнаро Портанова – 1, Франческо ди Паоло Кассетта – 1, Франческо Сенья – 1 [3, 123].

Кардинал Рамполла лидировал. Все шло, как и предсказывалось. Кардинал Сарто воспринял своё третье место как шутку, о которой весело будет вспомнить [1].

Вечером состоялся второй тур, и голоса распределились: М. Рамполла – 29, Дж. Готти – 16, Дж. Сарто – 10, А. Рикельми – 3, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 2, С. Ваннутелли – 1, Ф. Сенья – 1 [3, 123].

Рамполла лидировал уверенно, и от тиары его отделяло только 13 голосов, так как необходимо было набрать 2/3 плюс один голос, что на тот момент значило 42 голоса. Кардинал же Сарто считал десять поданных за него голосов уже откровенно несерьёзным походом к выборам и уверял всех, что завтра об этом надо просто забыть. Но утром 2 августа третий тур дал следующее: М. Рамполла – 29, Дж. Сарто – 21, Дж. Готти – 9, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 1, А. ди Пьетро – 1, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1 [3, 123].

Но тут произошло то, чего не ожидал никто. Архиепископ Краковский кардинал Ян Пузына объявил волю императора Австро-Венгрии (Краков – город в Австро-Венгрии) – на кардинала М. Рамполлу император накладывает veto и исключает его из списка кандидатов на Папский престол

[11, 67]. Это было сделано, так как в Вене опасались усиления французского влияния на Святой Престол в случае избрания Рамполлы.

Несмотря на наличие у облечённого сакральной светской властью императора права veto, кардиналы проигнорировали этот демарш, и на следующем голосовании кандидатура Рамполлы по-прежнему рассматривалась как наиболее вероятная. Вот результаты четвёртого тура: М. Рамполла – 30, Дж. Сарто – 24, Дж. Готти – 3, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 2, А. ди Пьетро – 2, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1 [3, 123].

Кардинал Рамполла получил даже на один голос больше, но, по всем признакам, он достиг максимума. И тут кардинал Сарто заявил, чтобы прекратили рассматривать его кандидатуру, так как он недостоин и всё равно откажется принять избрание. Дело принимало плохой оборот: Рамполла не проходил, Готти потерял все голоса, Сарто считал себя недостойным [1].

Результаты пятого тура: Дж. Сарто – 27, М. Рамполла – 24, Дж. Готти – 6, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 1, А. ди Пьетро – 1, Джузеппе Приско – 1, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1, пустых бюллетеней – 1 [3, 124].

Дж. Сарто стал лидером голосования в пятом туре, так как его заявления о недостойности кардиналы также проигнорировали, как и veto императора. Но в случае с кардиналом Дж. Сарто ситуация была более сложной, так как оказывалось недостаточным его избрание – необходимо было его согласие на принятие избрания, а кардинал заявлял об отказе.

Руководящий проведением конклава кардинал Орелья попросил просекретаря конклава Р. Мерри-дель-Валя найти кардинала Сарто и попробовать поговорить с ним по душам [8, 47]. Мерри-дель-Валь, разумеется, подчинился. Так, в силу многочисленных, в том числе и непредсказуемых, обстоятельств, днём 3 августа, в период между пятым и шестым турами голосования на конклаве, кардинал Дж. Сарто впервые встретился и говорил с архиепископом Мерри-дель-Валем. Благодаря этой встрече один из них станет на следующий день первым человеком в Церкви, а другой – вторым.

Много лет спустя в своих мемуарах Р. Мерри-дель-Валь вспоминал, как он отправился на поиски кардинала Сарто и нашел патриарха Венеции на коленях перед Алтарём в часовне св. Павла, в слезах, закрывшего руками лицо. Молодой прелат опустился на колени рядом с пожилым кардиналом. Он просил его только довериться воле Божией и не переживать. Добиться архиепископ смог лишь молчания кардинала, уже, по крайней мере, открыто не настаивавшего на отказе от избрания [12, 19-21].

Вечерний (шестой) тур голосования 3 августа дал следующие результаты: Дж. Сарто – 35, М. Рамполла – 16, Дж. Готти – 7, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 2, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1, пустых бюллетеней – 1 [3, 124].

От папского престола Сарто отделяли только семь голосов, и седьмой тур, состоявшийся утром 4 августа, стал последним: Дж. Сарто – 50, М. Рамполла – 10, Дж. Готти – 2 [3, 124].

Вечером того же дня, по окончании всех связанных с избранием нового Папы церемоний [3, 124], архиепископ Р. Мерри-дель-Валь, направился к Пию X, чтобы, завершая свои обязанности секретаря конклава, передать для подписи послания монархам и прочим главам государств, в которых вновь избранный Верховный Понтифик уведомлял о восшествии на Престол св. Петра.

В своих мемуарах Р. Мерри-дель-Валь вспоминал, что пришёл в личную келью Папы в восемь тридцать вечера и застал его за чтением бревиария. Будучи секретарём конклава, Р. Мерри-дель-Валь был рад, как он вспоминал, праву получить эту первую личную аудиенцию у Папы и рассчитывал также получить личное благословение, прежде чем покинуть Ватикан.

Когда архиепископ объяснил Папе всё необходимое, связанное с отправкой посланий, когда Пий X впервые подписал документы своим новым именем и все обязанности секретаря завершившегося конклава были исполнены, Р. Мерри-дель-Валь попросил Папу о благословении, так как собирался вернуться к своим обязанностям президента Папской Академии. Каково же было его удивление и смущение, когда Пий X спросил: «Неужели Вы так стремитесь меня покинуть?» И тут же попросил остаться его в качестве государственного просекретаря, то есть в должности исполняющего обязанности кардинала государственного секретаря [12, 24-27].

По многочисленным воспоминаниям, именно в эти часы кардиналы оживлённо обсуждали не только избрание нового Папы, но и второй по значимости вопрос – кого из них он выберет в качестве нового кардинала государственного секретаря [13, 45], не зная, что выбор уже сделан, и что ни один из них не стал госсекретарём, так как Папа отдал предпочтение 38-летнему прелату, которого, для того, чтобы он занял пост госсекретаря, ещё предстояло возвести в кардинальское достоинство (что, впрочем, и было сделано на ближайшей тайной консистории [3, 190]).

Выбор кардиналами Дж. Сарто в качестве Папы-пастыря, в противовес кандидатам-политикам, в общем, объясним сложившейся в Церкви объективной обстановкой, требующей перво-степенного решения накопившихся внутренних проблем, пусть даже в ущерб внешней активнос-

ти. Выбор же Папой архиепископа Р. Мерри-дель-Валь в качестве своего ближайшего помощника, не может быть объяснён ничем, кроме субъективного восприятия Пием X этого иерарха, о котором он до конклава вообще ничего не знал. Здесь не может быть свойственного, в первую очередь, естественным наукам объяснения, но лишь присущее гуманитарным отраслям знания понимание индивидуальных мотивов поведения. Всего несколько минут совместной молитвы в часовне св. Павла хватило будущему Папе, человеку с почти полувековым опытом пастырского служения, чтобы разглядеть в относительно молодом прелате не эрудита и дипломата (что практически сделать невозможно), но близкого себе по духу человека и иерарха, способного творчески воплотить все те начинания грядущего Понтификата, которые диктовались насущными церковными проблемами. Это был исключительный дар умения видеть другого человека, которым обладали лишь редкие пастыри и понимание которого приводит к пониманию мотивов принятия решений, к пониманию столь неожиданных результатов первого конклава XX столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крысов А.Г. Первый конклав XX века / Страницы истории // М., «Свет Евангелия». № 14 (498), 2005.
2. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse; Paris, 1917.
3. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse; Paris, 1904.
4. *Hierarchia Catholica Medii et Recentioris Aevi*. Volumen VIII (1846-1903); Patavii, MCMLXXVIII.
5. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse, Paris, 1902.
6. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse; Paris, 1915.
7. Anonymus. *Petites Histoires du Vatican*. Editions Saint-Augustin, Sainte-Maurice (Suisse), 2000.
8. Dal-Gal R.P.; Le Cardinal Merry del Val. *Nouvelles Editions Latines*, Paris, 1955.
9. Buehrle M.C. *Rafael Cardinal Merry del Val*. London, Sands and Co., 1957.
10. *Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum; Sacra Congregatio Sacrorum Rituum; Archives de la Postulation de la Cause de Beatification et Canonisation du Cardinal R. Merry del Val // Memoires manuscripts sur la vie, les oeuvres et les vertus du Cardinal R. Merry del Val; 80 fascicules dans des enveloppes marquées avec les lettres de l'alphabet*.
11. Forbes F.A. *Rafael Cardinal Merry Del Val: A Character Sketch*. Longmans, Green & Co, London/New-York/Toronto, 1932.
12. *Merry del Val Cardinal; Pie X - Impressions et souvenirs*. Editions de L'oeuvre St. Augustin, St-Maurice (Suisse), 1951.
13. Mitchell Hary. *Le Cardinal R. Merry del Val, secrétaire d'Etat de Saint Pie X*. Paris, Paris-Livres, 1956.

fr. A. Kryssov

CONCLAVE OF 1903 AND CARDINAL RAFAEL MERRY-DEL-VAL

Abstract. Article reveals the details of the conclave 1903 and the events, accompanying this election. Raising the archival data, the official church records and memoirs, allows for the first time to ana-

lyze the individual motives of the participants and the factor of chance, that determined, largely, not only the Pontificate of Pius X, but also the subsequent history of the Catholic Church.

Key words: conclave, cardinal, Pope, Pontificate, Pius X, Stat's Secretary, Merry-del-Val.

УДК 929 Сукарно

Воронин С.А.

СУКАРНО. ОРЁЛ, ПАРЯЩИЙ В ОДИНОЧЕСТВЕ (ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»)*

Аннотация. Идеализация патриархальных устоев, синкретизм взглядов, утопизм, ощущение мессианской богоизбранности, персонификация государства в личности лидера – вот столпы политического лидерства Сукарно, под руководством которого Индонезия стала независимым государством.

Ключевые слова: Бунг Карно, третий путь, готонг-ройонг, функциональные группы, НАСАКОМ.

К концу 50-х годов в Индонезии у власти за 12 лет сменилось 16 правительств, причем бразды правления государством побывали в руках у представителей всех сколь-либо значительных политических партий [1]. Каждый кабинет находился у власти менее года. Правительственная чехарда усиливала тенденцию к формированию общественного мнения в сторону утверждения власти харизматической личности либо расширения полномочий такой личности, уже осуществляющей лидерство. Проблемы парламентской демократии в Индонезии начались с момента её рождения, после принятия Конституции 1950 г. Первые всеобщие парламентские выборы лишь усилили политический хаос. Политическая культура разобщенных слоев индонезийского общества наглядно проявилась в их результатах. Г. Фит поясняет, что раскол между политическими силами был связан с отличиями культуры яванской аристократии и культуры исламских бизнес-кругов Внешних островов Архипелага [2]. Конец 1956 г. продемонстрировал назревающий кризис парламентских институтов в Индонезии. Достаточно монолитной структурой отличалась лишь КПИ (Компартия Индонезии), лагерь некоммунистических

сил трещал от противоречий. Н.А. Симония пишет: «Динамичное развитие событий... с объективной неизбежностью шло к утверждению авторитарного режима. Вопрос состоял лишь в том, каким общественным силам удастся взять инициативу в свои руки и ... каков будет социально-политический характер этого режима» [3]. В соответствии с традициями яванской политической культуры, смещающей акцент с поиска компромисса между противоборствующими силами на идею их подчинения личности лидера, правителя, обладающего всей полнотой власти, концентрирующему власть, персонифицирующему нацию, расширение властных полномочий Сукарно вписывалось в менталитет мархаэнов и других слоев индонезийского общества.

Сукарно осознавал, что наступило время действовать и активно развернул кампанию по демонтажу системы парламентской демократии. В октябре 1956 г., по возвращению из очередного зарубежного турне он призвал «похоронить все партии» и выступил с резкой критикой «либеральной западной демократии» как несоответствующей духу национальной самобытности. Он обратился к парламенту с требованием действовать на основе «реальной индонезийской демократии», отвергая западную модель демократии, когда выигрывают и всегда правы «50+1» [4].

Таким образом, по его мнению, основная причина разразившегося кризиса, грозящего национальному единству, скрывается в использовании в государственной практике административно-политической системы, импортированной с Запада. Решительно отвергая либеральную демократию западного образца, Сукарно предлагал свой рецепт санации политической системы Индонезии, обнаруженный им якобы в анналах индонезийской самобытности и традиционной культуры: «Нам нет необходимости заимствовать

* © Воронин С.А.

Продолжение статьи «Сукарно. Орёл, парящий в одиночестве», опубликованной в «Вестнике МГОУ» серия «История и политические науки» №1 - 2010.